

К Международному женскому дню 8 марта

Жизнь, расколотая надвое. Из Парижа в барак Гулага

Вера Лотар-Шевченко

Промозглым весенним днем по улицам Тагила усталой походкой шла женщина, одетая в залосненный старый ватник и в поношенную суконную юбку. Стоптаные парусиновые туфли скользили по утопанному снегу, но она не замечала холода, шла и внимательно всматривалась в вывески на зданиях.

Прохожие с удивлением разглядывали ее, хотя в эти послевоенные годы многие одевались очень скромно, но на женщине одежда была просо нищенской. Вот наконец и нужный дом, странная женщина нерешительно вошла в здание. В холле она встретила дежурную, умоляя о «разрешении подойти к роялю ... чтобы... чтобы играть концерт»

И снова зазвучала позабытая музыка

Сев за инструмент, она не сразу решилась притронуться к клавишам, пальцы подрагивали, а к горлу подкатил ком. Женщина боялась клавиш, боялась, что пальцы, огрубевшие от тяжелого труда, не смогут выдавить и звука. Ведь уже целую вечность она не видела это бело-черное полотно. Долгих мучительных тринадцать лет ей было позволено видеть клавиши только в своем воображении.

Сильный трепет охватил ее, волнение нахлынуло огромной волной, отдаваясь в висках нестерпимым стуком. Изможденная женщина, усилием воли извлекла первые звуки - долгие, сильные, тревожные и трепетные. Надо попробовать, надо пересилить свой страх и играть - стучало в голове: - "Неужели все забыто, возможно, я еще что-то помню".

Более двухсот классических произведений, бессмертных творений выдающихся композиторов мира, хранились в ее памяти и целую вечность она проигрывала их пальцами по деревянным клавишам.

Дрожащими пальцами Вера вновь прикоснулась к клавишам, в маленьком классе зазвучала соната Шопена. На смену им пришли мощные аккорды торжественной и печальной увертюры Бетховена.

Пианистка играла вдохновенно и ничего вокруг не замечая. Музыка увела ее уже в позабытое далекое прошлое.

У закрытой двери, не смея зайти, рыдали навзрыд педагоги. Было же понятно, откуда она прибежала в драной телогрейке. Играла почти всю ночь.

И заснула за инструментом. Потом, смеясь, рассказывала: «А проснулась я уже преподавателем той школы»

Прерванный полет счастливой жизни

Весенним днём 1901 года в прекрасном городе Турине появилась на свет Вера Лотар.

В семье витал дух искреннего интереса к русской культуре, и даже имена детям дали русские – Вера и Дмитрий. Отец-математик и мать-филолог были приглашены стать профессорами Сорбонны, и семья переехала в Париж.

Музыка в семье звучала всегда и в жизни Веры она была сколько та себя помнила. Её учителем был прославленный французский пианист Альфред Корто, от которого кроме блестящей техники она унаследовала пожизненную привязанность к музыке Шопена и Дебюсси.

В 12 лет Вера выступала с оркестром, которым дирижировал Артуро Тосканини. После Парижа Вера Лотар отправилась стажироваться в Венскую музыкальную академию, в которой овладела традицией исполнения музыки Баха, Моцарта, Бетховена, с которыми она никогда не расставалась.

Портрет Бетховена дома всегда находился рядом с роялем. Её исполнением Бетховена восхищался Ромен Роллан. Начались гастроли по Старому и Новому Свету.

Вера Лотар вышла замуж за врача и музыканта. Но этот брак быстро распался – муж ревновал к музыкальным успехам жены. В 1936 году она знакомится с Владимиром Шевченко, который занимался строительством струнных инструментов. Несмотря на то, что Шевченко был значительно старше неё и имел уже двоих сыновей, Вера влюбилась, вышла за него замуж и родила ребенка.

Владимир Шевченко был вывезен из России ребенком в Первую мировую войну и изо всех сил рвался на родину. В 1938 году вместе со всеми детьми семья оказалась в Ленинграде в самый разгар сталинского Большого террора.

С большим трудом и только благодаря рекомендациям Марии Вениаминовны Юдиной, Веру Лотар-Шевченко взяли солисткой в Ленинградскую филармонию.

Но самое страшное ждало их впереди — в 1941-м, перед самой войной, Владимира арестовали. Вера кинулась в НКВД и стала кричать, путая русские слова и французские, что муж ее — замечательный честный человек, патриот, а если они этого не понимают, то они — дураки, идиоты, фашисты и берите тогда и меня... Они и взяли.

Свои тринадцать лет Вера Лотар-Шевченко отбыла от звонка до звонка. Но не на лесоповале, а на кухне, что по тем временам считалось огромным везением.

В лагере она узнала о смерти мужа и его детей от первого брака, которые были убиты во время бомбежки и смерти своего сына.

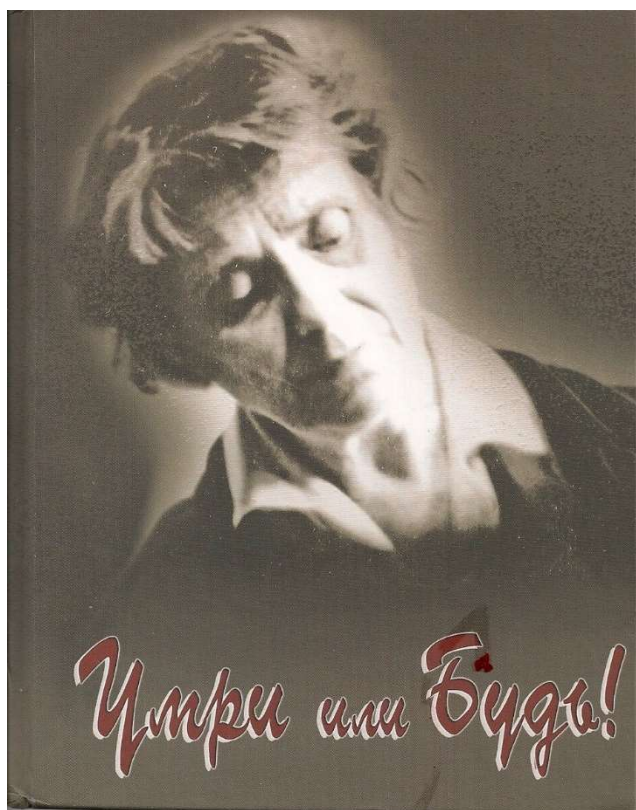
Многие из заключенных жалели и как могли, старались облегчить ее участь. Работа на кухне требовала огромных физических сил, которые из года в год таяли от холода и недоедания. Товарищи смастерили на досочке импровизированные клавиши. И она по ночам играла на этом безмолвном инструменте Баха, Бетховена, Шопена.

Женщины из барака уверяли потом, что слышали эту беззвучную музыку, просто следя за ее искореженными работой пальцами и лицом. Пальцы у Веры Августовны до конца жизни были красные, корявые, узловатые, гнутые, изуродованные артритом. И еще — неправильно сросшиеся после того, как их на допросах переломал следователь.

Новая жизнь

Вере Августовне въезд в большие города и столицу был запрещен. Без родных, друзей, без денег, да еще и плохо говорящей на русском языке с лагерной справкой об освобождении ей нелегко было устроиться на работу.

Директор устроила ее на пол ставки в качестве иллюстратора. Так в Тагиле в музыкальной школе стала работать выдающаяся в прошлом французская пианистка Вера Августовна Лотар-Шевченко. Женщина, сумевшая вынести все трудности лагерного ада вновь могла жить и творить. По совету одного нового знакомого Вера Августовна обратилась в драматический театр. Своей игрой она покорила директора и была принята на должность концертмейстера. Более того, ей выделили маленькую комнатку в квартире, где проживала семья артиста.

На первую зарплату она взяла напрокат кабинетный рояль. На вторую — сшила концертное платье в пол.

Через несколько лет она действительно начала выступать. Перед первым ее концертом в Уральской консерватории ведущая заглянула в гримерку, чтобы проверить, прилично ли выглядит выступающая. Вера Августовна — в том самом черном платье в пол — улыбнулась: «Она думает, я из Тагила. Она забыла, что я из Парижа»

В 1965 году, когда о ней написала «Комсомолка», она играла перед полупустыми залами. После публикации всё изменилось. Теперь от желающих услышать её игру не было отбоя. Ей писали письма со всей страны. А академик Лаврентьев, руководитель Сибирского отделения АН СССР, предложил Вере Августовне жить и работать в Новосибирском Академгородке.

Она стала солисткой Новосибирской государственной филармонии и в конце жизни давала концерты даже в Москве и Ленинграде. Билеты в первый ряд на них не продавали. Места здесь предназначались для тех, с кем разделила она страшные лагерные годы.

Когда в газетах появились очерки и статьи о трагической судьбе французской пианистки, некогда покорявшей залы Европы и Америки, представитель французского посольства, предложил Вере Августовне вернуться во Францию, но она отказалась. Объяснила: «Это было бы предательством по отношению к тем русским женщинам, которые поддерживали меня в самые трудные годы в сталинских лагерях»

Удивительным было её воздействие на окружающих. Кажется, даже самые далёкие от искусства люди, оказывались во власти её таланта и силы её характера. Знавшие Веру Августовну люди рассказывали о совершенно потрясающих случаях, происходивших в её жизни.

Например, еще живя в Тагиле, она накопила денег и купила себе каракулевую шубку. Буквально в первый же вечер, когда она гуляла по городу, эту шубу с неё попытались снять. Но, услышав «Это моя первая одежда после лагеря!», — извинились и заверили, что больше её никто в городе не тронет.

Другой случай произошел уже в Новосибирске. Уже пожилая Вера Августовна как-то в предновогодний вечер захотела «кутить» и нашла с сопровождавшими её друзьями, пожалуй, самое неподходящее для этого места — забегаловку в промышленном районе. Обнаружив, что рояля там нет (такая неожиданность!), она, купив две бутылки, обратилась к посетителям: «Месье! Есть водка. Нужен рояль!» Двое «месье» ушли и вернулись с роялем — выменяли на водку у сторожа Дворца культуры по соседству. И Вера Августовна играла Брамса.

Самым счастливым моментом в жизни для нее стал день, когда она встретила сына Владимира Шевченко, которого считала погибшим. Денису удалось выжить на фронте, а вернувшись домой стал выдающимся скрипичным мастером. Вера Августовна снова обрела семью и дети сына скрашивали ее жизнь.

Последние шестнадцать лет своей жизни Вера Лотар-Шевченко прожила в Академгородке. Она умерла в 1982 году.

На памятнике на её могиле выбита её собственная фраза: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна».

Реабилитирована Вера Лотар-Шевченко была лишь через семь лет после смерти, в 1989 году.

В декабре 2005 года группа энтузиастов во главе с журналистом Юрием Данилиным провела в Новосибирске фестиваль памяти Веры Лотар-Шевченко.

В концертах фестиваля участвовали известные российские пианисты — Александр Мельников, Наталья Талдыкина, Константин Лапшин, Филипп Копачевский (молодой музыкант еще учился в ЦМШ), французский пианист Дэвид Фрей.

В программе — близкие Вере Лотар-Шевченко имена: Шопен, Дебюсси, Бах, Лист, Шуберт, Скрябин...

Записей самой Веры Августовны почти не осталось. Только гибкая пластинка из журнала «Кругозор». Чиновники 1970-х долго решали: можно ли фирме «Мелодия» записывать лагерницу с 58-й статьей? А потом стало поздно.

В июне 2006 года под патронатом и с помощью средств Фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина удалось учредить уникальный в своем роде Международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко и провести за эти годы семь конкурсов.

Попечительский совет конкурса бессменно возглавляет выдающийся пианист современности Михаил Плетнёв.

Источники:

<https://www.classicalmusicnews.ru/articles/vera-lotar-shevchenko/>

<https://www.classicalmusicnews.ru/lotar-shevchenko/lotar-shevchenko-competition-history/>

Подготовила Свиридова Татьяна Алексеевна